

«Oh, I **can't** explain» [9, p. 9].

– безличных конструкций,

«**It ought to be so; it must be so**, while he retains the use of his reason» [4, p. 238].

«**It's better** not to be different from one's fellows» [9, p. 8].

1. Карпова Е. В. Стратегии вежливости в современном английском языке : автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 2002.

2. Матвеева Г.Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя. URL. <http://rspu.edu.ru/projects/deutch/note44.html>.

3. Овчинников В. Корни дуба // Новый мир. 1979. № 5. С. 230–231.

4. Austen J. *Pride and Prejudice*. London, 1993.

5. Austen J. *Emma*. London, 1994.

6. Galsworthy J. *The Forsyte Saga. The Man of Property*. M., 1973.

7. Helen Fielding. *Bridget Jones. The Edge of Reason*, 2004.

8. Thackeray W.M. *Vanity Fair*. London, 1994

9. Wilde O. *The Picture of Dorian Gray*. M., 2006.

Г. И. Тираспольский

Длина слова и эволюция грамматического строя

УДК 340(37)(038)

В статье с опорой на авторскую лингвистическую концепцию исследуется роль длины слова в эволюции грамматической системы, попутно рассматривается ряд узловых проблем теоретической лингвистики.

Ключевые слова: длина слова, эволюция, грамматический строй, законы языка, система языка, артикль.

G. I. Tiraspolskij. Length of the word and the evolution of the grammatical system

The article deals with problem of the role word's length in evolution of grammatical system, it is in passing considered a number of key problems of theoretical linguistics.

Key words: length of the word, the evolution of grammatical system, laws of language, the system of language, the article.

В свое время Отто Есперсен высказал проницательное суждение о том, что прогрессирующее сокращение слов может привести к затруднению понимания высказываний [137, с. 327]. Это суждение было одобрительно воспроизведено академиком Б. А. Серебренниковым в коллективной монографии «Общее языкознание» [80, с. 306] и подкреплено упоминанием о соответствующем мнении М. М. Гухман, правда, без ссылки на ее работу [32], цитируемую Б. А. Серебренниковым выше. Позднее Б. А. Серебренников вернулся к этой теме, но уже без упоминания названного суждения, подробно изложив ряд соответствующих высказываний лингвистов, в первую очередь Поля Пасси [97, с. 13, 27, 32], который еще до О. Есперсена сделал ряд ценных наблюдений над эволюцией фонетического строя (в том числе и над длиной слова) и на их основе пришел к важным общелингвистическим выводам [139], часть из которых легла в основу истолкования языка Б. А. Серебренниковым. В свою очередь, автор настоящей статьи, отправляясь от некоторых теоретических воззрений Б. А. Серебренникова, разработал собственную лингвистическую концепцию, изложенную в ряде публикаций, из которых для экономии места упомянем только две хронологически последние [108], [110]. В основе этой (так называемой номотически-каузальной) концепции, согласно которой человеческий язык (гиперязык) представляет собой биосоциальное явление, лежат понятия «закон экономии речеслуховых усилий (закон экономии)», «закон эмпазы», «закон стабильности», «тенденция», «случайность», применяемые с соответствующими разъяснениями в настоящей статье для истолкования рассматриваемых языковых явлений (стремлением применить к языку биосоциальный подход отмечены и другие исследования, см., напр. [105]. Отрадно отметить, что положения, отчасти сходные с упомянутыми выше, содержатся в учебном пособии Н. С. Валгиной [19], правда, почему-то без упоминания нашей нетривиальной работы об аналитизме в русском языке [111], обсуждаемом в названном учебном пособии; из недавних

исследований на эту тему, содержащих соответствующие ссылки см., напр. [22]).

Занимая далеко не последнее место в ряду языковых свойств, длина слова, однако, не получила должного общетеоретического освещения. Среди языковедов нет согласия не только в вопросе о единице измерения длины слова, но даже и по поводу того, что в данном случае следует считать словом [79, с. 104–105]. При изменении длины слова предлагалось учитывать качественно различные единицы: морфемы, слоги [74], фонемы [79], а также буквы и другие графические знаки [6, с. 244–247 (табл. 24–44)]; в соответствии с этим интерпретировалось и слово как объект измерения.

Что же касается связи длины слова с эволюцией грамматического строя, то этот вопрос в предшествующих трудах не только не исследовался, но даже и не ставился. Примечательно в этом отношении следующее высказывание: «...мы не можем предполагать иной причины возникновения наиболее ранних грамматических форм языка, чем взаимодействие лексических значений» [64, с. 86]. В известной мне лингвистической литературе содержатся лишь беглые и отрывочные наблюдения над причинно-следственной связью между фонетическими и грамматическими явлениями. Так, отмечалось, что дифференциальная мощность того или иного признака фонемы способна возрасти под влиянием флексий, содержащих соответствующие фонемы [44, с. 74]. На материале тюркских и алтайских языков установлено, что служебное слово, ставшее морфемой, неизбежно теряет свою длину, сокращаясь часто до одного слога или звука, либо два прежних однофонемных аффикса стягиваются в один однофонемный [128, с. 21], [127, с. 35], [8, с. 54], [62, с. 124, 125, 128], [13, с. 64], [36], [54, с. 7]; при словоизменении сокращаются аффиксы в семитских языках [28, с. 74–76]; подобный процесс отмечен также в истории китайских и вьетнамских форматов [102, с. 57, 100], [46, с. 151–152], армянских так называемых анафорических местоимений [112, с. 98] и при возникновении новых синтетических форм в индоиранских языках [45, с. 103]; нечто сходное, возможно, происходило и в индоевропейском языке-основе (см. [125]); нивхский глагол утрачивает конечный гласный в случае присоединения к нему союзного слова *ан* «тоже, опять» [82, с. 220]; бывшее личное местоимение, в ряде дагестанских языков ставшее глагольной флексией, подвергается стяжению или регрессивной ассимиляции [118]; то же происходило с субстан-

тивными флексиями даргинского языка [2]; редуцируются или монофтонгизируются флексийные фонемы в литовских говорах [30]; заимствованный в медновский говор языка командорских алеутов русский вспомогательный глагол *быть* сократился до одного слога [7, с. 113–114]. По мнению некоторых славистов, фонетический уклад чешского языка предрасполагает к развитию в нем аналитизма [140, с. 42]; [11, с. 237] или агглютинации [65, с. 24]. В древнеанглийском языке вследствие редукции падежных окончаний, вызванной наличием динамического ударения на корневом слоге, большинство деклинальных флексий утратило первоначальную ясность и выразительность; нечеткость падежных окончаний вызывала их смешение, что приводило ко все большему затемнению их семантики и вследствие этого порождала тенденцию к их утрате [75, с. 20]. Сокращение длины слова, как полагает В. Г. Адмони, заметно повлияло в индоевропейских языках на грамматическую эволюцию предложения [4, с. 28–30].

Вместе с тем прямой зависимости между фонетическим качеством аффиксов и их смысловозначительными возможностями не существует. Так, в современном русском литературном языке, вопреки расхожему мнению [18, с. 113], «заударные слоги противопоставлены предударным по признаку чрезвычайной сильной редукции независимо от того, является ли данный заударный гласный элементом флексии или же он входит в состав основы» [14, с. 38] (см. в этой связи также [48]). Существует предположение о том, что главной причиной разрушения древней именной флективной парадигмы в иранских языках была «не безударность падежных окончаний (они не во всех случаях бывали безударными), а развитие новой грамматической системы, в которой те же (и новые) “падежные значения” имен передавались иными — неморфологическими — средствами (синтаксическими, лексическими). Это делало падежные окончания если не избыточными, то факультативными. Фонетика лишь закрепляла результаты морфологических трансформаций, “убирая” поочередно окончания, становившиеся “избыточными” (но сохраняя в течение более длительного времени те окончания, которые, при равном и даже менее “выгодном” фонетическом облике и положении, имели более “весомую” информативную нагрузку)» [130, с. 25]

Косвенно относится к нашей теме, но заслуживает уяснения связь между длиной слова и некоторыми изменениями в лексическом составе языка [67, с. 70–71], а также процесс так называемой дезаббре-

виации, когда сокращенные слова и словосочетания (аббревиатуры) намеренно преобразуются говорящими в те или иные (обычно на-смешливые или озорные) речения [42], вроде таких, как *вуз* → *выйти удачно замуж*, *ЖКХ* → *живи как хочешь*, *СССР* → *Смерть Сталина спасла Россию*. Бесспорно, требуют дальнейших исследований и акцентуационные сдвиги *тра́кторы* — *тракторá*, *кла́паны* — *клапанá*, *то́поли* — *тополя* и подобные, обеспечивающие более надежное распознавание грамматических форм в потоке речи (см. [27, с. 82]). Весьма интересны и заслуживают исследовательской поддержки наблюдения над фонетическими и семантическими превращениями слова и морфемы в языке устной поэзии (см. [63]).

Прежде чем перейти к выявлению связи длины слова с эволюцией грамматического строя кратко рассмотрим понятия, необходимые для дальнейших наблюдений и рассуждений.

Начнем с самой дискуссионной дефиниции — понятия слова. Известные определения слова исчисляются сотнями, но ни одно из них так и не стало бесспорным и общепринятым. Главной причиной этого служит в первую очередь сложность и противоречивость самого слова, охватить которые каким-либо одним и кратким определением не удастся. Мы должны смириться с тем, что любое понятие слова с неизбежностью является размытым (диффузным, релятивным) и поэтому всегда нуждается в оговорках и уточнениях. Подытоживая существующие наблюдения и дефиниции, допустимо определить слово как важнейшую единицу языка, у которой имеются три главных свойства: 1) относительно автономная семантика, облаченная в звуковую оболочку (см. в этой связи [103, с. 18–23]); 2) относительная позиционная самостоятельность и 3) относительная непроницаемость (внутри одного слова, как правило, нельзя вставить другое). Разумеется, в прикладных исследованиях и в работах частного характера во избежание утомительной теоретической дискуссии допустимо и целесообразно исходить из упрощенных представлений о слове, напр., как о цепочке морфем (см. [25]), комплексе звуков (фонем), наборе графических знаков и т. п.; однако если мы хотим постичь существенные свойства языка, упрощенные представления о слове непригодны. Сказанное относится и к толкованию длины слова, которую, как справедливо утверждает В. А. Никонов, целесообразно измерять количеством фонем (или звуков), а не морфем [79, с. 105].

Нуждается в обсуждении и понятие «эволюция грамматического строя». В существующих языковедческих трудах исторического жанра применительно к грамматическому строю, а также к другим явлениям языка (и к языку вообще — гиперязыку) в таких случаях обычно употребляют термин *развитие*. Мы намеренно избегаем его потому, что в нем содержится сопутствующий (коннотативный) смысл «совершенствование, улучшение», вследствие чего термин *развитие* синонимичен термину *прогресс*. Между тем проблема прогресса в истории гиперязыка и отдельных языков до сих пор остается нерешенной, возбуждая время от времени жаркие споры (обзор соответствующей полемики см. в работах [116, с. 13–14], [81, с. 414–417], [12, с. 123–124], [88, с. 122–124]). Чтобы выйти из замкнутого круга этой полемики, Б. А. Серебренников предложил разграничивать в гиперязыке абсолютный прогресс и прогресс относительный. Первый, по его мнению, выражается прежде всего в росте словарного состава и в увеличении количества значений слов. Проявляется абсолютный прогресс и в уточнении синтаксических единиц и конструкций, в конкретизации их семантики [80, с. 306–307] (см. также [107, с. 60]). Признаком относительного прогресса, по мнению Б. А. Серебренникова, служат аналитический строй и сокращение слов, благодаря чему возникает упрощенная языковая техника, психологически и физиологически разгружающая носителей языка [80, с. 305].

По моему твердому убеждению, однако, нет никаких оснований прилагать к языковым единицам и явлениям, а также к гиперязыку в целом такие качественные оценки, как *хороший — плохой, прогрессивный — непрогрессивный, развитый — неразвитый* и т. п. (см. в этой связи также [41, с. 10–12], [99, с. 23–24], [31, с. 67–68]). Так, можно ли считать, что долгий гласный в латинском слове *mālus* «яблоня» прогрессивнее, совершеннее (и в абсолютном, и в относительном измерениях), чем краткий гласный в созвучном слове *mālus* «плохой»? Есть ли основания полагать, что фонемы, возникшие в результате так называемого германского передвижения согласных менее совершенны в обоих измерениях, чем соответствующие исходные фонемы, ср., напр., немецкие *zehn* «десять», *Dieb* «вор», *Wort* «слово» и английские *ten*, *thief*, *word* с теми же значениями. Обоснованно ли суждение о том, что синоним *смелый* прогрессивнее синонима *храбрый*? Допустимо ли расценивать немецкую фразу *Ich habe gesagt* «Я сказал» как более совершенную, чем равнозначное латинское выра-

жение *Dixi*? С таким же успехом можно было бы утверждать, напр., что в мире элементарных частиц позитрон лучше электрона, в составе математических символов знак «минус» хуже, чем знак «плюс», а кругу небесных тел кометы лучше метеоритов (или, если угодно, — наоборот). Подобного рода вкусовые суждения (и суждения невысокого пошиба) уместны разве что в обыденной жизни и продиктованы нашими пристрастиями, привычками, веяниями моды и другими явлениями, содержащими в себе эстетическую оценку или исходящими из нее. Однако научное знание тем и отличается от обыденного, что имеет принципиальную и осознанную установку на максимальную неэстетизированность (да простит мне читатель сей громоздкий неологизм), предельную свободу от всякого рода вкусовых суждений и оценок. Время от времени раздаются ухарские заявления, напр., вроде такого, что «миф об изменчивости и устойчивости языка, обусловленных произволом слепой и бесцельной эволюции, безвозвратно теряет под собой почву» [133, с. 104] (ничего, кроме тягостной неловкости, не вызывает поэтому напыщенный панегирик в адрес автора цитированных строк, см. [61, с. 19]), или многосумные утверждения о том, что последовательные смены разных грамматических способов «свидетельствуют о прогрессивном развитии, о совершенствовании языкового строя, ибо смены эти не представляют собой движения по кругу, а являются движением по восходящей» [106, с. 50], либо ребяческие эскапады типа «языки эволюционировали путем развития все более выгодных признаков» [12, с. 132] (критику этой точки зрения см. в статье [78, с. 82–83]), или псевдоглубокомысленные рассуждения о том, что языку свойственно таинственное стремление достичь в ходе его эволюции некоей цели, напр., передавать все больше информации в единицу времени [77, с. 16], либо, наконец, такие, напр., внешне элегантные, но по сути пустейшие рассуждения: «Принцип историзма в диахронической типологии предполагает в качестве своего необходимого условия принятие идеи поступательного движения языка, призванного обслуживать развивающееся мышление» [50, с. 6]. Эти и подобные им подгнившие плоды размышлений не только не колеблют истинного положения дел, но, напротив, еще резче оттеняют его незыблемость (см. в этой связи [3, с. 55–58], [97, с. 61], [55, с. 60]).

Возвращаясь к мысли Б. А. Серебренникова о расширении словарного состава и росте количества значений слов как проявлении абсолютного прогресса, заметим, что такого рода накопление языковых

единиц неизбежно обременяет память людей и, следовательно, в предложенных Б. А. Серебренниковым терминах представляет собой относительную деградацию технических средств языка. То же относится и к расширению и развитию синтаксических единиц и конструкций. Как видим, введение в терминологический оборот понятий «абсолютный прогресс» и «относительный прогресс» не только не упраздняет бесплодную полемику о прогрессе в языке, но и еще больше запутывает ее.

Некоторые исследователи все же полагают, что понятие прогресса и развитости (неразвитости) может быть применено к функциональным свойствам языка. Развитость последнего, считают они, выражается в богатстве лексики, в широте стилистической дифференциации языковых средств и в многообразии функций языка [88, с. 123].

Внешне подкупающее своей убедительностью, это мнение крайне шатко хотя бы потому, что в нем применяются неразъясненные понятия, а также не проводится должного разграничения между языком и речью, между языком и его употреблением. Так, понятие «богатство лексики» можно истолковывать по-разному, в зависимости от того, к какому историческому периоду и к какому слою носителей языка оно относится и как лексические инновации воспринимаются общественностью (в связи с последним см. [10; 40, с. 30]). Если, напр., обратиться к русскому языку 2-й половины XIX в., легко заметить, что речь представителей русского дворянства неизмеримо богаче книжной лексикой, чем речь грамотного русского крестьянства, но существенно уступает последней по богатству словарного состава, отражающего предметы и явления крестьянского быта, земледелия, скотоводства и ремесленничества (что убедительно демонстрирует Далеков словарь, решительно противопоставленный его автором книжно ориентированному «Словарю Академии Российской»). Вместе с тем неправомерно отрицать функциональную изменчивость языка в ходе его истории, закрывать глаза на ее расширение или сужение. Представляется целесообразным поэтому сохранить термин *функциональные возможности языка* в кратком виде *функциональность*, но употреблять его не в сочетании с определениями вроде *развитая* или *неразвитая*, а в комбинациях типа *широкая функциональность*, *узкая функциональность*, *расширение (рост, наращение) функциональности*, *сужение (сокращение, убыль) функциональности* и т. п., каждый раз уточняя, о

каком периоде истории языка идет речь и какие социальные, профессиональные и т. п. слои говорящих этот язык употребляют.

Обратимся к последнему из предварительно уточняемых понятий, а именно к дефиниции «система языка». Едва ли найдется еще одно лингвистическое понятие, у которого была бы столь причудливая и многострадальная терминологическая судьба, как у этого (обзор мнений о системе языка см., напр., в работах [17, с. 3–5], [72; 84, с. 29–31], [85, *passim*], [29, с. 57–59], [49, с. 209, 431–432]). «Слово *система*, — как справедливо заметил в этой связи Л. Р. Зиндер, — так часто употребляется в современных лингвистических работах, притом и в тех случаях, когда оно не столь уже необходимо, что оно превратилось в своего рода заклинание и, как всякое заклинание, начинает терять реальный смысл» [43, с. 5]. Мало того что множество работ о системе языка бурно фонтанировало изощренной псевдонаучной тарбарщиной (см. в этой связи [104, с. 31–32]) — дело доходило до того, что в некоторых трудах ничтоже сумняшеся объявлялось, что система языка в качестве составной части содержит антисистему, ср., напр., такой пассаж: «...языковая система организована по принципу отрицания отрицания: система совместима только с антисистемой...» [82, с. 45] (см. в этой связи [17, с. 3, 16–17], [115, с. 23], [116, с. 9]). Как если бы мы глазом не моргнув и ухом не поведя заявили, что колбаса состоит из колбасы и антиколбасы, кошка есть комбинация кошки и антикошки, а баба-яга — это не только яга и антияга, но также баба и антибаба... Казалось порой, будто некоторых личностей, причислявших себя к языковедам, обуяла неукротимая истерия. Американский лингвист Роберт Аустерлиц в свое время поведал мне занятную (и правдоподобную) историю о том, как один из шумно известных советских языковедов (памятуя, что *nomina sunt odiosa*, назовем его «Ш.»), на старости лет давший стрелка «за бугор», буквально изводил своих новых американских коллег тем, что, сверля их свирепым черноокиим взором, всякое свое выступление на любой научной конференции начинал с громокипящего возгласа: «What is the system?».

Не станем, однако, вникать в подробности этой отшумевшей бури в стакане воды и скромно ограничимся тем, что изложим собственное понимание системы языка.

Гиперязык — это система, т. е. объект, между единицами и разделами которого существуют отношения качественной взаимозави-

симости. Совокупность таких отношений — структура. В системе гиперязыка имеются отношения жесткой, полужесткой и мягкой системной зависимости, а также участки на правах центра и периферии. Вследствие этого гиперязык представляет собой систему систем, или гиперсистему. Системность гиперязыка порождена в первую очередь законами (закономерностями), тенденциями и случайностями. Между названными явлениями постоянно существуют противоречия, преодоление и воспроизводство которых порождает различные эволюционные тенденции и высвобождает энергию исторического самодвижения языка (см. в этой связи [114, с. 32]), испытывающего при этом разного рода качественные преобразования (в число которых входит уже упоминавшаяся вариативность языковых единиц).

Запасы внутренней энергии языка пополняются внешними противоречиями, порождаемыми языковой интерференцией, разного рода субстратными, адстратными, суперстратными явлениями, нормализаторской деятельностью и другими социальными воздействиями.

Системные отношения между языковыми единицами возникают и поддерживаются также благодаря второстепенным факторам: противопоставленности языковых единиц, их сходству, частотности их употребления и др. Широко распространенными в гиперязыке являются бинарные оппозиции (парные противопоставления), что для некоторых исследователей (см., напр. [136]) стало поводом считать их, вслед за Ф. де Соссюром, едва ли не важнейшим системообразующим фактором. При этом не учитывалось, что парные противопоставления не только распространенные, но и самые примитивные, тогда как для выполнения своих функций язык нуждается также в многочленных оппозициях, которые заслуживают со стороны исследователей не меньшего (а наверняка — большего) внимания, чем бинарные.

Переходя к главной теме нашей статьи, вернемся к вопросу о длине слова. Благодаря открытию в 1956 г. американским психологом Джорджем Миллером так называемого магического числа семь [138] мы теперь знаем, что оперативная (кратковременная) память обычного человека (торгашески названная «кошельком Миллера») способна удерживать и воспроизводить не более 7 ± 2 единиц какой-либо информации. Дальнейшими исследованиями было установлено, что наиболее благоприятным для памяти носителей языка является интервал от 1 до 4 морфем и слогов, а менее благоприятным — от 4 морфем и слогов и выше. Частота слов, содержащих от 1 до 4 морфем

и слогов, составляет в разных языках от 90 до 99,9 % суммарной частоты всех слов. Более протяженные слова, состоящие от 5 до 9 морфем и слогов, из-за указанной ограниченности оперативной памяти, употребляются значительно реже [74, с. 28]. На этом свойстве речевой памяти, вероятно, основано следующее рассуждение: «Одна из универсалий психолингвистического механизма [заключается — Г.Т.], видимо, в том, что в мозгу говорящих некоторые единицы существуют в виде готовых блоков. Эти единицы не должны быть слишком краткими, например, быть равными фонемам, поскольку процесс формирования высказываний был бы слишком сложным. Но они и не должны быть слишком протяженными, тогда бы затруднительным стало их хранение в мозгу. Должен достигаться оптимум» [5, с. 71]

Отправляясь от разработанной нами концепции гиперязыка, мы полагаем, что количественное преобладание коротких слов над длинными — результат действия закона экономии речеслуховых усилий, основанного на инстинкте самосохранения. Из истории языков известно, однако, что наряду с сокращением длины слова нередко происходило и ее наращение. Так, после падения редуцированных в славянских языках длина слов, прежде содержащих такие гласные, уменьшилась, однако широкое развитие префиксации у глаголов и суффиксации у существительных привело к заметному росту длины слова. Последний процесс в свете нашей концепции может быть объяснен действием закона эмпазы, основанного на инстинкте захвата (присвоения) и требующего предельной выразительности высказываний, что прямо — и конструктивно — противоречит закону экономии и ярко иллюстрируется, в частности, наличием в эстонском языке таких самобытных единиц, как сверхдолгие фонемы, обеспечивающих дифференциацию словоформ (см. [9; 52, с. 118]). Последнее служит одним из свидетельств того, что справедливо усматриваемая в языке эмотивность, конечно же, не исчерпывается лексической семантикой (см. в этой связи [123]), а имеет в языке всеобъемлющий характер). В свете семиотики наращение длины слова объясняется тем, что «уменьшение физических размеров знаконосителя (как по параметру пространственных измерений, так и по временному параметру) сверх определенных пределов ведет к нарушению условия легкодоступности, и может получиться так, что физические характеристики предполагаемого знаконосителя окажутся за сенсорным поро-

гом чувственных анализаторов, ответственных за восприятие знака» [57, с. 6]. Старательно освещенный Г. Ф. Благовой процесс усложнения падежных форм в тюркских, алтайских, уральских и других языках [13] вызван именно действием закона эмфазы, а утрата или стяжение таких форм произошли после того, как в конфликт с законом эмфазы вступил закон экономии (другие примеры грамматических явлений, вызванных столкновением этих законов, см. в работе [3, с. 59–61]).

Относительно закона эмфазы (а также закона стабильности) необходимо также отметить следующее. В свое время в отечественном и зарубежном языкознании распространилась гипотеза так называемой избыточности языковых средств (см., напр. [86, с. 4], [26, с. 55–56], [23, с. 6]). Согласно этой гипотезе, при эволюции языка в нем время от времени возникают единицы, обременяющие язык, лишние в языке, такие, без которых язык вполне мог бы обойтись, поскольку они представляют собой функционально не нагруженные варианты. Таковы, в частности, акцентные пары вроде русских *до́говор* — *догово́р*, *норми́ровать* — *нормировать*, *августовский* — *августовский*, варианты падежных форм *костьми* — (*лечь*) *костьми*, *рукой* — *рукою*, *в круге* — *в кругу*, *в аэропорте* — *в аэропорту*, варианты форм грамматического рода *рельс* — *рельса*, *ставень* — *ставня* и т. п. К избыточным некоторые исследователи причисляют также изменение прилагательных по родам, числам и падежам, поскольку препозитивное употребление прилагательного и без того обеспечивает его грамматическую связь с определяемым существительным (см., напр. [131, с. 55]).

Истолкование этих и подобных явлений языка как избыточных, излишних, обременительных и для языка, стало быть, вредоносных, конечно же, — досадное недоразумение. Выражаясь образно, язык себе не враг, чтобы вредить самому себе накоплением гнетущего балласта. В свете же предложенной нами концепции позволительно заявить, что упомянутые варианты и другие единицы и явления языка, именуемые избыточными, — результат совместного действия закона стабильности и закона эмфазы. В ответ на действие закона стабильности вариативные единицы обеспечивают плавный переход от прежнего состояния языка к новому, а откликаясь на закон эмфазы, снабжают говорящих средствами повышенной выразительности речевых высказываний. Вот почему нельзя согласиться и с односторонней оценкой вариативности как отражения тенденции «языковой системы к

равновесию, нарушенному в результате проявления того или иного процесса» [68, с. 53]. Мнимая же избыточность форм рода, числа и падежа прилагательного (которую правильнее назвать *эмфатичностью*) обеспечивает его прочную связь с определяемым словом и вместе с тем придает прилагательному неутомимую синтаксическую подвижность, что, конечно же, не только не обременяет язык и речь, но, напротив, в ответ на требование закона эмфазы открывает для говорящего широкие выразительные возможности. Семантическое взаимодействие грамматических аффиксов и лексического значения в случаях умелого авторского новаторства порождает яркие смысловые инновации, придавая речи повышенную пряность, колоритность и жгучесть (см. [124]). Эмоциональный накал высказывания иногда способен даже поколебать привычную морфемную структуру. Так, в форме 2-го лица множ. числа повелительного наклонения в узбекском языке аффикс *-лар*, как правило, занимает крайнее положение, что соответствует общетюркской норме, напр. *бэриңлар* «идите»; однако при выражении пренебрежительного отношения к собеседнику он смещается к корню: *бэрларің* «ну идите» (см. [128, с. 41–42]).

Как верно гласит народная мудрость, любишь кататься — люби и саночки возить: закон экономии, не менее полезный для носителей языка, чем закон эмфазы, в благоприятных для него условиях вызывает утрату соответствующих грамматических аффиксов, перекладывая заботу о грамматической связи членов предложения на аналитические средства.

Другое из того же ложного ряда выражение *недостаточность* (и его синоним *дефектность*), прилагаемое к грамматическим категориям и единицам (см. [119, с. 88–89]) ничуть не лучше оттого, что антонимично слову *избыточность*, поскольку также исходит из мистического представления о языке-демиурге и вследствие этого вряд ли заслуживает отдельного комментария.

Вернемся к главной теме наших рассуждений. Сокращение длины слова открывает в его фонетическом пространстве своего рода вакансию либо для новых аффиксов (префиксов и суффиксов, как это произошло, напр., в истории славянских языков — судьба праславянского артикля, тонущая в густом доисторическом тумане и составляющая тему отдельного исследования, нами на рассматривается), либо для новых энклитик и проклитик, как это случилось в герман-

ских, романских и некоторых других языках, выработавших новую для них грамматическую категорию — артикль. Применительно к фонетической структуре слова такое явление можно назвать «фонетической компенсаторикой».

Временно оставив в стороне аффиксы, рассмотрим это явление на примере артикля.

О причинах появления артикля в соответствующих языках существует несколько гипотез. Так, высказывалось мнение, согласно которому артикль возник в результате движения языковой семантики от конкретного состояния к обобщенному, вследствие чего исторически более ранним является определенный артикль [132, с. 340; 94, с. 4]. Считается также, что в ряде языков возникновение артикля и расширение сферы его употребления сопряжены «с изменением структуры прилагательного в связи с постепенным стиранием различия между членным и нечленным прилагательным» [117, с. 113]. Существует также мнение, согласно которому возникновение и эволюция артикля — результат развития в языке «способности более точного, дифференцированного и разнообразного вычленения объекта с помощью имени, использование имени как средства познания реальности, объекта» [47, с. 90]. Высказывалось также предположение о том, что происхождение артикля связано с эволюцией так называемого номинативного строя предложения [38, с. 70–71]. Ждут своей интерпретации интригующие случаи заимствования артикля, напр., из итальянского языка в словенский (см. об этом [21, с. 266; 72, с. 101]; в известных мне описаниях словенского языка это явление, впрочем, не упомянуто, см., напр. [53, с. 213–220; 87]).

Расхождения перечисленных мнений столь широки, что один из исследователей удрученно заявил: «Трудно решить, какая из приведенных выше теорий является наиболее правильной. Верно лишь то, что той или иной теорией нельзя полностью объяснить все случаи употребления или отсутствия артикля. Та или иная теория может быть пригодной для одного языка и не годиться для другого» [58, с. 17] (ср. диаметрально противоположное мнение [15, с. 7–8]).

Такое теоретическое уныние объяснимо, но вряд ли оправданно уже потому, что автор цитированных строк вопреки собственному пессимизму, сам того не замечая, уже сделал уступку полезному теоретическому обобщению, признав строптивые единицы языка артиклем. В более же широком отношении теоретическое капитулянтство

совершенно неприемлемо ввиду того, что сама наука как форма интеллектуальной и материальной деятельности возникла преимущественно в ответ на потребность человека посредством теоретизирования сделать предельно осмысленной и продуктивной свои практические усилия.

Чтобы распутать толстый теоретический клубок, следует прежде всего, отправляясь от избранной общелингвистической концепции, разграничить следующие факторы в истории артикля: 1) условия, 2) причины, 3) стимулы.

1. Главным условием в генезисе артикля было то свойство ряда языков, которое можно назвать фонетической открытостью слова — способностью слова изменять свою длину посредством устранения из него или добавления к нему фонем либо слогов (фонемный состав и уклад соответствующего языка при этом может оставаться неизменным, см. в этой связи [44, с. 70]). Таковы, как известно, флективные языки, и именно в некоторых из них возник и употребляется артикль (возможно, что это фонетическое свойство еще раньше было замечено И. Ш. Козинским, который именует флективный тип *непредсказуемым чисто фонетически*, см. [51, с. 144]).

В отличие от этого в изолирующих и в большинстве агглютинирующих языков артикля нет и в обозримом будущем не предвидится — именно потому, что в языках этого типа слово (или та единица, которую именуют словом либо иначе) обладает замкнутой или преимущественно замкнутой фонетической структурой, вследствие чего длина полнозначного слова в его начальной форме неизменна или с трудом поддается изменениям, отчего фонетическая компенсаторика здесь не возникает. Сказанное не следует воспринимать как догму: обе фонетические структуры исторически изменчивы и от качественных преобразований не застрахованы (см. в этой связи наблюдения над фонетическими модификациями слова в агглютинирующих языках [99, с. 46–47] и в языках изолирующих [71, с. 56–59], [102, с. 16–17, 52–53], [49, с. 307–309]). Однако эти структуры на протяжении тысячелетий сохраняют свою устойчивость [102, с. 58], что объясняется действием закона стабильности, в благоприятных условиях парализующего крупные и скоротечные преобразования языка. Наглядно и убедительно устойчивость фонетического строя обнаруживается, между прочим, при пиджинизации и креолизации языков (см. [37, с. 127–128]), а также при так называемой смене языка (см. [73, с.

105])). К этому нелишне добавить, что квалификация соответствующей фонетической структуры как открытой вовсе не подразумевает отсутствие у нее пространственной определенности — напротив, такая определенность обнаруживается благодаря тем или иным пограничным сигналам (см., напр. [134]).

Таким образом, условия появления артикля в соответствующих языках обязаны своим существованием действию и взаимодействию законов экономии, эмфазы и стабильности: там, где преобладают законы экономии и эмфазы, длина слова варьируется и в случае ее сокращения начинает действовать фонетическая компенсаторика, мобилизующая артикль или новые аффиксы, либо то и другое вместе; там, где господствует закон стабильности, такие условия и, соответственно, артикль и новые аффиксы не появляются.

Напрашивается вопрос: почему в одних языках верховенствуют в этом случае законы экономии и эмфазы, а в других — закон стабильности? Поскольку решение этой проблемы выходит за рамки предложенной нами концепции и требует разработки более широкой проблематики, ограничимся предположением о том, что в настоящем случае действует историческая случайность, природа которой нуждается в дополнительном исследовании.

2. Причину возникновения артикля в соответствующих языках мы усматриваем в стремлении говорящих, побуждаемых инстинктом захвата, сделать свою речь более доходчивой и выразительной в ответ на требование закона эмфазы. Нелишне при этом отметить, что употребление артикля (по крайней мере, определенного), придавая высказыванию большую конкретность, противоречит распространенному мнению о том, что вслед за развивающимся мышлением семантика языковых единиц преобразуется в направлении от конкретного к абстрактному (см., напр. [20, с. 45]). Как убедительно заметил Б. А. Серебренников, такое истолкование эволюции языка неверно. «Конкретность в одинаковой степени присуща как архаическому, так и современному мышлению, — подчеркивал он. — Мало того, современное мышление во многих отношениях даже более конкретно в своей детализованности, поскольку развитие науки и техники дает возможность людям знать гораздо больше о предметах и явлениях природы, чем знали их предки» [98, с. 48]. Добавим, что отсутствие параллелизма между языком и мышлением сказывается, между прочим, и в сущест-

вовании невербального мышления, участвующего в некоторых речевых актах (см. [60]).

3. Рассмотренные выше условия и названная причина приводят к возникновению артикля только в языках открытой фонетической структуры. Языки с фонетической структурой замкнутого типа — изолирующие и агглютинирующие (об инкорпорирующих см. ниже) — способны выработать артикль лишь в том случае, если процесс артиклизации (назовем его так) подкреплён соответствующим стимулом, который в терминах нашей концепции квалифицируется как случайность, т. е. явление, с необходимостью не вытекающее из свойств того или иного языка.

Именно случайность стала решающим шагом на пути формирования артикля в венгерском языке — единственном из финно-угорских (и уральских) языков, в котором имеется такая категория, ср., напр.: *egy asztal* «какой-то стол» — *az asztal* «именно этот стол», *egy lámpa* «какая-то лампа» — *a lámpa* «именно эта лампа», *egy könyv* «какая-то книга» — *a könyv* «именно эта книга» (предположение о существовании категории артикля в мансийском языке, близкородственном венгерскому [92, с. 289, 290], [93], [94], [95, с. 23, 38, 44, 51]), не доказано). Этой случайностью стало влияние на венгерский язык со стороны немецкого языка, обладающего фонетической структурой открытого типа и выработавшего благодаря этому категорию артикля, употребляющегося, как известно, в препозиции к полнозначному слову. Тем самым, между прочим, объясняется крайне нетипичная для агглютинирующих языков, к каковым относится венгерский, препозиция (а не постпозиция) венгерского артикля. Прямым свидетельством интенсивного немецкого влияния на венгерский язык служат содержащиеся в нем около 400 лексических германизмов, напр.: *bógnar* «каретник», *borbély* «цирюльник», *ráspoly* «рашпиль», «терка», *biliárd* «бильярд», *dáma* «дама», *erkély* «балкон», *gróf* «граф», *paroka* «парик», *cél* «цель», *ostrom* «штурм», *sánc* «оборонительный вал», *pisztoly* «пистолет» [66, с. 277].

После того как артикль стал частью системы венгерского языка, он подчинился действовавшему в этой системе закономерностям и вследствие этого сам превратился в закономерность, иллюстрируя тем самым известное положение диалектики о взаимобратимости необходимого и случайного.

Болгарский и македонский языки выработали категорию артикля (именуемого обычно *членом*, подробнее см. [36, с. 233–236], [113, с. 348–350]) также в условиях межъязыковой интерференции, на почве балканского языкового союза (24, с. 410–413), однако в отличие от венгерского языка решающим условием этого процесса стало здесь сокращение длины слова вследствие утраты субстантивного склонения (мнение о наличии в этих языках так называемого аналитического склонения [120], [121], [122] неосновательно, см. в этой связи [16, с. 9; 109, с. 43–45]), ср., напр.: болг. *ден* «какой-то день» — *денят* «именно этот день», *девойка* «какая-то девушка» — *девойката* «именно эта девушка», *поле* «какое-то поле» — *полето* «именно это поле». Артикль в албанском и румынском языках, судя по всему, более древнего происхождения, чем в болгарском и македонском [24, с. 416–418], однако его грамматикализации, как можно с уверенностью предположить, благоприятствовали вначале сокращение длины слова вследствие крупной убыли прежних флективных форм (см. в этой связи [33, с. 8–9], [35, с. 6–7], [89], [90], [91], а затем и балканская интерференция (см. в этой связи [42, с. 43]). Ср. алб. *fshatar* «какой-то крестьянин» — *fshatari* «именно этот крестьянин», *vajzë* «какая-то девушка» — *vajza* «именно эта девушка»; румын. *om* «какой-то человек» — *omul* «именно этот человек», *lup* «какой-то волк» — *lupul* «именно этот волк».

Следовательно, как бы тривиально это ни звучало, артиклизация того или иного языка может быть уяснена лишь при условии комплексного учета факторов этого процесса, а также на основе концепции, отражающей существенные свойства гиперязыка.

Плодотворность названного подхода подтверждается и при выяснении обстоятельств и причин возникновения древнегреческого артикля (так как примеры его употребления специалистам известны, мы от них воздержимся). В свете традиционных представлений древнегреческий артикль выглядит причудливой аномалией, особенно при сравнении древнегреческого языка с санскритом, латинским и другими родственными языками сходного грамматического и фонетического устройства. В самом деле, если в санскрите, латыни, древнеперсидском и подобных не действовала фонетическая компенсаторика и поэтому не появился артикль как претендент на фонетическую вакансию, то почему же в древнегреческом, где такой вакансии не было, артикль сложился? Учитывая рассмотренные выше обстоятельства

возникновения артикля в венгерском языке, где фонетическая компенсаторика также не действовала, мы вправе предположить, что древнегреческий артикль своим появлением (разумеется, при усиленной поддержке закона эмфазы) обязан в первую очередь стимулу — субстратному (по всей видимости, пеласгическому) воздействию, которое в историческом отношении представляет собой случайность.

В дополнительном исследовании нуждается вопрос о препозитивной и постпозитивной локализации артикля. Пока мы в состоянии лишь заявить, что наряду со случайностью здесь, бесспорно, действуют некоторые тенденции, но какие именно, предстоит еще выяснить.

Что касается языков инкорпорирующего (полисинтетического) типа, то проблему связи длины слова с эволюцией грамматического строя удастся грамотно поставить на их материале лишь после того, как будет основательно исследовано само явление инкорпорации. Пока же, насколько можно судить по существующим трудам, должной ясности в его истолковании не достигнуто (см., напр. [39], [59], [83], [86, с. 6–7], [121]), вследствие чего позволим себе осторожно предположить, что языки этого типа близки к агглютинирующим и, следовательно, возникновение здесь категории артикля маловероятно и возможно только при наличии соответствующего стимула (подобно тому, как это случилось с венгерским языком).

Рост грамматической аффиксации в языках с открытой фонетической структурой — процесс хорошо известный и в подробных комментариях не нуждающийся. Важно только учесть, что такая аффиксация своим появлением обязана предшествующему сокращению длины слова, а исторические колебания этой длины в свою очередь обязаны столкновению закона экономии с законом эмфазы. Сами же эти колебания — поучительный пример того, как количественные изменения языковых единиц переходят в качественные, бесспорно подтверждая старый добрый тезис неувядаемого диалектического учения.

Завершая статью, подчеркнем, что высказанные в ней суждения и предположения — лишь первый шаг на увлекательном пути исследования связи длины слова с эволюцией грамматического строя и, будем надеяться, не последний.

1. Абаев В. И. Лингвистический модернизм и дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 22–43.

2. Абдуллаев З. Г. К генезису формантов датива в даргинском языке // Вопросы языкознания. 1982. № 1. С. 113–118.
3. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.; Л. : Наука, 1964.
4. Адмони В. Г. Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 22–31.
5. Алпатов В. М. О двух подходах к выделению основных единиц языка // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 66–73.
6. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л. : Наука, 1967.
7. Асиновский А. С, Бахтин Н. Б., Головкин Е. В. Этнолингвистическое описание командорских алеутов // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 108–116.
8. Баскаков Н. А. Механизм агглютинации и процессы грамматикализации самостоятельных слов в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 32–62.
9. Бахман К. И. К вопросу о грамматических способах в эстонском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 91–92.
10. Бахман К. И. К проблеме соотношения стихийных и целенаправленных процессов в развитии языка // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 131–136.
11. Белић А. О језичкој природи и језичком развоју. Београд, 1941.
12. Бичакджян Б. Х. Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 123–134.
13. Благова Г. Ф. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (Опыт сравнительно-исторического изучения) // Вопросы языкознания. 1970. № 1. С. 60–81.
14. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. О фонетических характеристиках заударных флексий в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 37–49.
15. Боронникова Н. В., Левицкий Ю. А. Артикаль. Вопросы теории и типологии. Пермь, 1999.
16. Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 3–15.
17. Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке // Вопросы языкознания. 1978. № 4. С. 3–17.
18. Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М. : Высшая школа, 1970.
19. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М. : Логос, 2003.
20. Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М. : Изд-во иностранной лит-ры, 1954.
21. Вандриес Ж. Язык. М. : Гос. социально-экономич. изд-во, 1937.
22. Виданов Е. Ю. Аналитизм в именном словообразовании современного русского языка: автореф... канд. дисс. Омск, 2011.

23. Гамкрелидзе Т. В. Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5–8.
24. Георгиев В. К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М. : Прогресс, 1975. С. 398–418.
25. Герд А. С. Морфемика в ее отношении к лексикологии // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 5–11.
26. Горбачевич К. С. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен (На материале современного русского языка) // Вопросы языкознания. 1975. № 1. С. 55–64.
27. Горбачевич К. С. Зоны вариантности слов и нормы русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 77–86.
28. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. Изд. 2-е. М. : Восточная лит-ра, 1998.
29. Григорян А. Г. Некоторые проблемы системного и исторического изучения лексики и семантики // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 56–63.
30. Гринавецкис В. З. К вопросу о развитии вокализма говоров литовского языка (Редукция гласных и монофтонгизация дифтонгов) // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 102–109.
31. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 60–94.
32. Гухман М. М. К вопросу о развитии анализа в индоевропейских языках // Ученые записки 1 МГПИЯ. Т. 2. Вопросы грамматики. М., 1942. С. 30–42.
33. Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л. : Наука, 1968.
34. Десницкая А. В. О понятии вторичного генетического родства и о его значении для исследования проблем балканистики // Вопросы языкознания. 1990. № 1. С. 38–44.
35. Десницкая А. В. О происхождении албанского языка (Сравнительно-исторический и социально-исторический аспекты) // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 5–12.
36. Дульзон А. П. Происхождение падежных аффиксов алтайских языков // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 50–63.
37. Дьячков М. В. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков // Вопросы языкознания. 1988. № 5. С. 122–132.
38. Ермолаева Л. С. К вопросу о семантической детерминанте языков номинативного строя // Вопросы языкознания. 1995. № 5. С. 60–73.
39. Жукова А. Н. Инкорпоративный комплекс как словосочетание в языках чукотско-камчатской группы // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 24–29.
40. Задорожный Б. М. История языка и экстралингвистические факторы // Вопросы языкознания. 1975. № 1. С. 27–38.
41. Звегинцев В. А. Современные направления в типологическом изучении языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 9–18.
42. Зеленин А. В. Дезаббревиация в русском языке // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 78–97.

43. Зиндер Л. Р. Несколько слов о межуровневых дисциплинах // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 5–7.
44. Зиндер Л. Р. О звуковых изменениях // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 69–77.
45. Зограф Г. А. К вопросу о «новой флексии» глагола в индоиранских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 101–106.
46. Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. Изд. 3-е, стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2003.
47. Иванов Н. В. Смысловая функция артикля: опыт логико-философского анализа (на материале португальского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 90–96.
48. Касаткин Л. Л. Одна из тенденций развития фонетики русского языка // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 39–45.
49. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М. : Наука, 1983.
50. Климов Г. А. О некоторых задачах историко-типологических исследований // Вопросы языкознания. 1976. № 5. С. 3–12.
51. Козинский И. Ш. Три заметки по типологии (Параметры морфологической классификации) // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 144–153.
52. [Коллектив авторов]. Эстонский язык // Языки мира. Уральские языки. М. : Наука, 1993. С. 115–133.
53. Кондрашов Н. А. Славянские языки. М. : Просвещение, 1986.
54. Кононов А. Н. О природе тюркской агглютинации // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 3–17.
55. Котелова Н. З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 48–63.
56. Котова Н. В. Болгарский язык // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). М. : Изд-во МГУ, 1977. С. 216–258.
57. Кравченко А. В. Естественно-научные аспекты семиозиса // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 3–12.
58. Крамский И. К проблеме артикля // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 14–26.
59. Крейнович Е. А. Об инкорпорировании в нивхском языке // Вопросы языкознания. 1958. № 6. С. 21–33.
60. Кривоносов А. Т. Мышление — без языка? // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 69–83.
61. Кубрякова Е. С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 18–28.
62. Кузнецов П. И. О происхождении тюркских падежных аффиксов // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 119–131.
63. Кумахов М. А. О функциональном статусе слова и морфемы в языке устной поэзии // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 74–84.
64. Курманбаев Н. М. К проблеме происхождения морфологических формантов // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 83–91.

65. Леков И. Отклонения от флективного строя в славянских языках // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 18–26.
66. Майтинская К. Е. Венгерский язык // Языки мира. Уральские языки. М. : Наука, 1993. С. 256–279.
67. Маковский М. М. Проблемы лингвистической комбинаторики // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 43–57.
68. Маковский М. М. Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 40–54.
69. Маковский М. М. Соотношение свободы и необходимости в лексико-семантических преобразованиях // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 55–72.
70. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1987.
71. Мельничук А. С. О всеобщем родстве языков мира // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 46–55.
72. Мельничук А. С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Вопросы языкознания. 1970. № 1. С. 19–31.
73. Меновщиков Г. Л. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 100–106.
74. Москович В. А. Глубина и длина слов в естественных языках // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 17–33.
75. Мухин А. М. О категории падежа в современном английском языке // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 19–30.
76. Мыркин В. Я. Введение в языкознание. Архангельск : Поморский университет, 2005.
77. Николаева Т. М. Диахрония или эволюция (об одной тенденции развития языка) // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 12–26.
78. Николаева Т. М. Теории происхождения языка и его эволюции — новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 79–89.
79. Никонов В. А. Длина слова // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 104–111.
80. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М. : Наука, 1970.
81. Общее языкознание / под общей ред. А. Е. Супруна. Минск : Вышэйшая школа, 1983.
82. Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. М.; Л. : Наука, 1965.
83. Панфилов В. З. К вопросу об инкорпорировании // Вопросы языкознания. 1954. № 6. С. 6–27.
84. Панфилов В. З. Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 27–39.
85. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М. : Наука, 1977.
86. Панфилов В. З. Языковые универсалии и типология предложения // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 3–16.

87. Плотникова О. С. Словенский язык // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). М. : Изд-во МГУ, 1977. С. 289–332.
88. Попова З. Д., Стерлин И. А. Общее языкознание. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : АСТ; Восток-Запад, 2007.
89. Репина Т. А. Аналитизм романского имени (Склонение существительных на западе и востоке Романии). Л. : Наука, 1974.
90. Репина Т. А. О некоторых спорных вопросах типологической характеристики румынского именного склонения // Грамматический строй балканских языков. Исследования по семантике грамматических форм. Л. : Наука, 1976. С. 74–80.
91. Репина Т. А. О системе румынского именного склонения // Вопросы языкознания. 1981. № 4. С. 105–109.
92. Ромбандеева Е. И. Мансийский язык // Языки мира. Уральские языки. М. : Наука, 1993. С. 283–300.
93. Ромбандеева Е. И. Выражение определенности посредством артикля в современном мансийском языке // *Lakó emlékkönyv*. Budapest, 1981. С. 45–51.
94. Ромбандеева Е. И. Происхождение и формирование артиклей в мансийском языке // XII Всесоюзная конференция финно-угристов. Б.м.и., 1974. С. 37–39.
95. Ромбандеева Е. И. Структура современного мансийского (вогульского) языка : научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1998.
96. Сабанеева М. К. Романские протоартикли в недрах латыни: вопросы теории и генезиса // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 4–14.
97. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М. : Наука, 1974.
98. Серебренников Б. А. К проблеме отражения человеческого мышления в структуре языка // Вопросы языкознания. 1970. № 2. С. 29–49.
99. Серебренников Б. А. О причинах устойчивости агглютинативного строя // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 46–56.
100. Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. Вып. III. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 19–35.
101. Скорик П. Я. О соотношении агглютинации и инкорпорации (на материале чукотско-камчатских языков) // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965. С. 73–84.
102. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. В связи с общими особенностями человеческого языка. М. : Вост. лит-ра, 1995.
103. Солнцев В. М. Относительно концепции «глубинной структуры» // Вопросы языкознания. 1976. № 5. С. 13–25.
104. Стеблин-Каменский М. И. Называние и познание в теории грамматики // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 31–36.
105. Степанов Ю. С. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 96–106.

106. Суник О. П. О происхождении морфологической структуры слова // Вопросы языкознания. 1959. № 5. С. 43–51.
107. Тарланов З. К. О лексико-семантическом изоморфизме в истории языка // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 55–63.
108. Тираспольский Г. И. К происхождению индоевропейского аблаута // Человек, культура, образование. Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал. Сыктывкар : Коми пединститут, 2013. № 4 (10). С. 118–128.
109. Тираспольский Г. И. Морфолого-типологическая эволюция русского языка. Сыктывкар : КРАГСиУ, 2003.
110. Тираспольский Г. И. Свойства речи // Экспертъ. Научно-аналитический журнал. М., 2011. № 4. С. 25–29.
111. Тираспольский Г. И. Становится ли русский язык аналитическим? // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 37–49.
112. Туманян Э. Г. Превращение артикля в флексию дательного падежа в новоармянском языке // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 93–99.
113. Усикова Р. П. Македонский язык // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). М. : Изд-во МГУ, 1977. С. 333–374.
114. Филин Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 31–44.
115. Филин Ф. П. О специальных теориях в языкознании // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 17–25.
116. Филин Ф. П. Противоречия и развитие языка // Вопросы языкознания. 1980. № 2. С. 8–20.
117. Фридман М. Д. О морфемном характере артикля // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 109–114.
118. Хайдаков С. М. К вопросу о происхождении личного спряжения в дагестанских языках // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 87–91.
119. Чантуришвили Д. С. Система падежей, доминация падежных систем и дистрибуция винительного падежа в русском языке (с типологическими экскурсами в грузинский язык) // Вопросы языкознания. 1982. № 1. С. 87–96.
120. Чешко Е. В. К вопросу о падежных корреляциях // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 50–56.
121. Чешко Е. В. Об изучении функций предлогов в болгарском языке // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 10. 1953. С. 65–70.
122. Чешко Е. В. Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 120–132.
123. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20–25.
124. Шендельс Е. И. Совместимость / несовместимость грамматических и лексических значений // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 78–82.
125. Шилдз К. Заметки о происхождении основообразующих формантов в индоевропейском // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 12–17.

126. Шутова Е. И. Проблема частей речи в китаеведении // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 47–64.
127. Щербак А. М. О способах и исторической глубине образования морфологических элементов в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1978. № 4. С. 32–46.
128. Щербак А. М. Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 39–43.
129. Щербак А. М. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 18–26.
130. Эдельман Д. И. Еще раз о взаимодействии языковых уровней в истории иранских языков // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 25–42.
131. Эдельман Д. И. Некоторые проблемы сравнительно-исторической морфологии иранских языков // Вопросы языкознания. 1988. № 6. С. 45–62.
132. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
133. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике, вып. III. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 95–105.
134. Яковлев А. В. Пограничные сигналы языка африкаанс, связанные с вариативностью произношения // Вопросы языкознания. 1990. № 1. С. 66–71.
135. Ярцева В. Н. Типология языков и проблема универсалий // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 6–16.
136. Jakobson R., Fant C.G., Halle M. Preliminaries to speech analysis // Technical report [of the Acoustics laboratory of the Mass. inst. of technology]». № 13. May 1952). 2-d print. [Cambridge, Mass.], 1955. С. 132–145.
137. Jespersen O. Language: its nature, development and origin. London, 1925.
138. Miller George A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // The Psychological Review, 1956, vol. 63. С. 81–97.
139. Passy P. Etude sur les changements phonétique et leur caractères généraux. Paris, 1891.
140. Trubetzkoy N. Gedanken über die slovakische Deklination // Sborník Matice slovenskej, ročn. XV, č. I–2, Turč. Sv. Martin, 1937. С. 67–74.